

Ирина Ратушинская

«Я вернусь в Одессу, вернусь»

Это строка из стихов поэта, прозаика, диссидента, нашей землячки Ирины Ратушинской. Под таким названием чуть ли не первая подборка ее стихов вышла во «Всемирных одесских новостях» в 1991 году, а ведь ей только в 1990 году сквозь зубы вернули советское гражданство.

5 июля 2017 года завершился земной путь талантливого человека, большого писателя. Но ее книги жили, живут, будут жить. Мне приятно, что первая книга стихов на родине вышла в Одессе. И я готовил ее, писал предисловие, общался с Ирой и ее мамой, учительницей, жившей в Одессе.

И наш альманах связывала с И. Ратушинской давняя дружба. Для самого первого номера, вышедшего в 2000 году, она дала нам ироническую кулинарную книгу, написанную в мордовских лагерях. И вот в 70-м, юбилейном номере приходится прощаться.

Нет, не захотел перепечатывать ее диссидентские стихи. За них ее судили. Захотелось найти ее иронические тексты. На помощь пришел Сергей Осташко. Вот пример человека, который сохранял архивы. Сам ими пользуется, дает возможность другим. В 107-й школе, на физфаке ОГУ Ира Ратушинская дружила с Игорем Шевченко и Сергеем Осташко. Даже был у них коллективный псевдоним ОстРаШева. Вот в своем архиве нашел Сергей студенческое фото и рассказы, которые мы предлагаем читателю.

В них Ира одесситка. Она любила это слово. «Одесситы» – название ее большого настоящего романа о нашем городе. Верим, что Одесса ее не забудет.

Евгений Голубовский

Игорь Шевченко, Ирина Ратушинская, Сергей Осташко.
Одесса, декабрь 1976, новогодний спектакль учеников 116-й школы

Цветок плинтуса

Домовому Сереже жилось нехорошо. Квартира была малогабаритная, стандартная. Мыши и пауки в ней не заводились, и Сереже было скучно без знакомых. Хозяин, правда, был ничего себе хозяин, интеллигентный и милый, но уж очень рассеянный человек. Он писал докторскую, и ему некогда было замечать тихие чудеса, творившиеся в доме. Он не обращал внимания на то, что у него

всегда шла вода (это на четвертом-то этаже!), вовремя звонил будильник, и никогда не переводились стержни от шариковых ручек.

Правда, у него не было привычки ставить по углам мышеловки и храпеть по ночам, а когда Сережа приволок в дом породистого сверчка, хозяин не стал ползать на карачках, поливая обстановку зловонным инсектицидом, как поступали менее интеллигентные соседи. Однако ему никогда не приходило в голову поставить в угол блюдечко с молоком, и тем более крошить туда хлебушка.

Да, домовому Сереже жилось нехорошо. Хозяйский пес – красавец колли – холодно игнорировал Сережу, с тех пор как Сережа робко пытался вычесать ему блох. Очевидно, он считал это ниже своего достоинства. Сидя в своем углу за холодильником, Сережа часто думал о Проблеме Великого Контакта, но каждый раз стеснялся...

Почувствовав на своем лице упругие усы сверчка, домовый Сережа вздохнул и полез в телевизор. Он уже полгода переделывал его на цветной, но пока в цвете получалась только программа «А ну-ка, девушки». В этот раз тоже что-то не ладилось. Сережа уже пришел к выводу, что схему паял сапожник со скверной квалификацией, и как раз в этот момент полетел конденсатор. Дело было плохо. Сережа не умел чинить конденсаторы. Хозяина не было дома. Сережа полез править ему диссертацию. Не успел он исправить две принципиальные ошибки и четыре опечатки, как в двери завозился ключ.

Красавец колли вильнул хвостом, но потом подумал и перестал. Очевидно, это тоже было ниже его достоинства... Хозяин пришел и сел. Вялыми усилиями он двигал диссертацию вперед. Она не двигалась. Сережа деликатно потянул его за штанину.

«Испугается, в обморок упадет», – мелькнула шальная мыслишка, но было поздно. «Чем могу...» – рассеянно спросил хозяин. «Конденсатор бы заменить», – стеснительно сказал Сережа и засмущался. Хозяин покивал и сделал какую-то пометку в блокноте. Потом шумно уронил какой-то график и снова стал двигать диссертацию. Она снова не двигалась. Сережа постоял, переминаясь с лапы на лапу. Потом вздохнул и уполз в свой угол за холодильником. Красавец колли кинул на него иронический взгляд и попал. Попытка Великого Контакта сорвалась. Сверчок понял это и тоненько заскулил.

Ж-44-17

Вообще-то, он мог бы подрасти – знал такую травку, – но уж очень ему не хотелось суеты, неизбежной при изменении размеров. Пришлось бы искать новую норку и жить помедленнее, и знакомых заводить новых, а к старым уже в гости не зайдешь, и появились бы другие страхи, опасности и удовольствия, а главное, пришлось бы расстаться с телефоном, а без него как же?

Он уже не помнил, как занесло его туда впервые, и как он жил раньше, да и жил ли он в другом месте. Хотя наверняка жил – потому что раньше были трамваи, а до них – та башенка с финтифлюшками, а еще до того – шкатулка с музыкой, но это уже смутно. А может быть, этого и не было, а наоборот, будет? Он всегда немного путался в таких вещах.

Но телефон – это было лучше всего, и это было все на свете, потому что изнутри это все не так, как снаружи, изнутри это теряет скучную бесспорность, и вместо однообразной серой морды в царапинах оборачивается мурлычущей теплой норкой, и привыкнуть к ней до конца нельзя никак. Он, во всяком случае, не мог – и каждый раз, возвращаясь туда, находил снова.

Он жил здесь уже давно, уже и трубку трижды меняли, и будку красили теперь не в синее, а в желтое с красным, и перестала звонить та девочка, что говорила всегда испуганным голосом, – может, выросла, а может – уехала. Иногда он вспоминал, как она звонила в первый раз: боялась перепутать цифру, взяла трубку обеими руками и долго слушала гудки, а когда они кончились, и ей сказали «алло», растерялась и ответила «пожалуйста». Двушку бросить она так и забыла – пришлось ему соединять самому; он давно освоил эту механику, считал, что она разнообразит правила игры, и часто вмешивался в простодушную логику автомата.

Иногда он выбрасывал двушку назад, в возврат монет – и с обеих сторон была решка, иногда забавлялся, меняя даты, – получались монеты 1691 года, он за что-то любил этот год, но за что – позабыл уже. А однажды разменял двушку одному старику четыремя царскими полкопейками, и старик не удивился, а только кивнул и хлопотливо спрятал их в какой-то дальний карман. Случалось ему соединять и без двушки, он безошибочно

знал – когда, и наоборот, – эти двушки зажимать. Сначала он пугался тяжелых ударов по телефонной коробке, внутри это было очень громко и страшно, казалось, что вот сейчас разломают.

Но потом он догадался подпускать к телефону не всех, а только с особым настроением или обстоятельствами, и такие разговоры – всегда негромкие и короткие – любил и понимал, и разговоры такие всегда удавались, не было в них жестяного привкуса мембраны и неловкости не видеть в глаза. Остальные этого телефона как-то не замечали, а если и видели, то, сами себе удивляясь, проходили мимо искать другой автомат, и потом еще долго их смутно беспокоила непонятность своего поведения, и старались они этот телефон поскорей забыть.

И так он сжился со своей норкой, так привык к шороху где-то внутри проводов, и телефонные номера, нацарапанные на будке, знал наизусть, и любил тех людей, незнакомых друг другу, но в чем-то похожих, и разговоры их – без торопливости и мелочей, с заботой о ком-то далеком, на том конце, и как, уходя, они машинально прощались, сами не зная с кем. И даже ему иногда казалось, что они знают или догадываются, что там, внутри автомата, живет маленький зверь, немного лохматый и с хмурыми глазами, а на лапках у него по шесть пальчиков – он сам как-то их пересчитал и помнил это точно, хотя многое путал и забывал.

Вот хотя бы тот человек с веселым голосом и большими руками, просто огромными – трубка тонула в них, и казалось, что он просто заслоняет от ветра спичку и что-то шепчет в сведенные ладони, – кто он был этот человек? А может, его вовсе и не было, а наоборот, будет? Он всегда немного путался в таких вещах.

Зацепление каналов

Овсянников набрал номер и попал не туда. Он положил трубку, чертыхнулся и снова набрал. Ему ответил тот же женский голос и с оттенком нетерпения уверил, что Алексей Иванович здесь не живет. Овсянников положил трубку, извинился и подождал пятнадцать минут. Потом он, яростно и внятно тыча пальцем в каждую цифру, опять позвонил.

– Медленнее набирайте номер, – устало посоветовала женщина на том конце провода и после неловкой паузы добавила: – Вот что, хотите чаю?

«Спасибо...» – растерялся Овсянников и более не нашелся что ответить. Негромко звякнула посуда, зашуршала чайная обертка, и женщина спросила: «Вам крепкий?». «Спасибо, так в самый раз», – сказал Овсянников и, расхрабрившись, попросил два кусочка сахара. Послышался отчетливый звон ложечки. Овсянников согласился и на лимон, но немного, полкружка, и, представив себе, как мгновенно бледнеет крутая заварка и кружится лимон внутри золоченого ободка, уже не колеблясь, спросил: «Скажите, пожалуйста, это красная чашка?». «Да, в белый горошек», – ответила женщина, и опять оба помолчали.

На следующий вечер Овсянников набрал тот же номер и, не решаясь уже попросить Алексея Ивановича, сбивчиво поздоровался. Его сразу узнали. «Сегодня мне достали чудесный бразильский кофе. Вы любите кофе?» – услышал Овсянников вчерашний голос и молча кивнул. И когда посыпались легкие зерна, и тонко загудела кофемолка, Овсянников вдруг ощутил мгновенное счастье и поспешно заговорил о нюансах бразильских сортов и преимуществах турецкого способа. А впрочем, он знал, что несет чепуху.

Назавтра он не позвонил. Вдруг испугался чего-то, потом вспомнил про неотложный отчет, а потом было уже неудобно. И только в четверг, надев свежую рубашку и постояв перед зеркалом, Овсянников подошел к телефону и, замирая, набрал тот самый номер. «Я слушаю», – раздался голос Алексея Ивановича.

И Овсянникову стало грустно.

Увлечение

Как-то Овсянников был в доме у профессора Заохтенского. Профессор показывал гостям фамильную гордость – коллекцию старинных гирь от часов с боем.

Овсянников решил, что он тоже созрел для хобби. Чугунные утюги, автографы и канделябры Овсянников по здравому размышлению отверг, и после недолгой душевной борьбы остановился на мышеловках. Парочку он держал на всякий случай, одну выпросил в живом уголке школы № 9, а дальше все пошло само

собой. Друзья и знакомые более не обременяли себя вопросом, что дарить Овсянникову по торжественным датам. Вскоре коллекция насчитывала 96 экземпляров – от берестяного тусека с автоспуском, подаренного Овсянникову как лектору общества «Знание» в селе Сердюковка, до электронного комбайна с инфракрасным самонаведением, который шеф привез из Рейкьявика.

Знакомая буфетчица с теплохода «Михаил Голодный» привезла сложное сооружение, оказавшееся индонезийским капканом на дымчатого леопарда. Овсянников установил его на даче.

На утомительных заседаниях Овсянников теперь иногда говорил: «Я, знаете ли, пойду... Надо смазать один редкий образец...» – и все понимающе кивали. И даже на одном международном симпозиуме ему задали вопрос о возможности использования мышеловок для обнаружения гравитационных волн. Овсянников ответил отрицательно. Была сделана попытка подарить ему сиамскую кошку, но Овсянникову удалось дипломатично уклониться.

Как-то среди ночи Овсянников был разбужен. Сработала замечательная, с малиновым звоном мышеловка работы крепостного умельца XVIII века. Впервые со времен отмены крепостного права в нее попала мышь.

Она сидела тихо, прижав крохотные розовые ушки и мелко подрагивая загривком. Овсянников открыл затейливую дверцу и подставил ладонь. Мышь доверчиво поморгала и, перебирая игрушечными лапками, вышла из мышеловки. Было немного щекотно, но когда мышь села столбиком и чихнула, Овсянников почувствовался окончательно...

С тех пор он разводит мышей.

Рассказы про Овсянникова

* * *

Овсянников спутал божий дар с яичницей. И съел.

* * *

Овсянников увидел летающую тарелку, но решил никому не рассказывать. Летающая тарелка ответила ему тем же.

* * *

Овсянников иногда думал, что в прошлом своем существовании был карасем. О будущем он не задумывался, так как считал себя материалистом.

* * *

Поздно ночью Овсянникову позвонили в дверь и сказали: «Телеграмма». Овсянников испугался и не открыл. Телеграмму унесли.

* * *

Овсянников не любил смотреть телевизор, так как каждый раз сильно расстраивался.

* * *

В молодости Овсянников всегда уступал женщинам место в троллейбусе. Кончилось это плохо, так как тогда он работал водителем троллейбуса.

* * *

Овсянников сошел с ума, но этого никто не заметил.

